

Глава IV

ТИПЫ УКРАШЕНИЙ И ДЕТАЛЕЙ КОСТЮМА МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ТИПОХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Степень разработанности типологии для отдельных групп и категорий вещей эпохи позднего Средневековья для разных культурно-исторических регионов Европы весьма различна. Исследователи, предпринимавшие такого рода анализ, руководствовались собственными принципами выделения типов, необходимых для решения тех или иных вопросов. Поэтому задача атрибуции артефактов в рамках нескольких региональных типологий может быть решена не во всех случаях, поскольку они зачастую либо совсем не сочетаются между собой, либо сочетаются приблизительно или обобщенно. Тем не менее это не означает, что такое исследование в принципе невозможно. Карелия не являлась культурным изолятом. Кроме того, в Средневековье материальная культура различных регионов вокруг Балтийского моря, включая прямо или опосредованно Новгород, в силу активных торговых и политических связей приобретала схожие черты. Одни и те же типы вещей, например парадное оружие или ювелирные изделия, можно обнаружить в памятниках, географически весьма удаленных друг от друга. Обилие в комплексах погребений из Кюлялахти вещей импортного для Карелии происхождения позволяет, на наш взгляд, атрибутировать многие из них на основе уже разработанных региональных типохронологических систем.

При анализе соблюден региональный принцип. Изложение материала произведено по крупным культурно-историческим регионам: для Северной, затем Центральной, далее Восточной Европы, Новгорода¹ как части Восточной Европы, наконец, для Прибалтики и Финляндии.

МНОГОБУСИННЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА

Помимо случайной находки в районе Сортавала [KM 2647: 1: Kivikoski 1973: 135, abb. 1078] этот тип колец (тип IV, по В. А. Кольчатову) встречен

---

¹ Типы ювелирных изделий и их даты даны на основании опубликованных статей Ю. М. Лесмана [Лесман 1989а, б; 1990а, б; 1996] и рукописи его монографии «Хронология ювелирных изделий Новгорода X–XV веков», за возможность пользоваться текстом которой автор выражает ему особую благодарность.

в количестве четырнадцати экземпляров в семи погребениях могильника Кюлялахти — в погребениях № 1 (фрагментированы), 3, 13, 30, 34, 54 и 90 (рис. 15–1; 19–1, 2; 34–1, 2; 48–1, 2; 81–1, 2; 119–1, 2). Конструктивно изделия идентичны друг другу, отличаются лишь диаметром, количеством и размерами бусин. Изделия относятся к классической разновидности: имеют стержень переменного сечения — в основной части прямоугольный в сечении, спирально загнутый на конце. Примерно на 1/4 длины стержень имеет расширение — ограничитель, далее сечение стержня круглое. С этого конца он расклепан в четырехугольное ушко с отверстием в центре. На основную часть стержня вплотную друг к другу, без ограничителей нанизаны сферические серебряные (некоторые с позолотой) бусины, имеющие гладкую поверхность.

Варианты многобусинных височных колец, встреченных в некрополе Кюлялахти:

— вариант А — с семью (?), восемью или девятью бусинами диаметром 1,4–1,7 см (погребения 1, 34, 54). Диаметр колец — 4,5–6 см. Этот вариант был обнаружен только в погребениях детей или подростков;

— вариант В — с 11 или 12 бусинами диаметром 1,6–1,7 см (погребения 3, 30, 90);

— вариант С — с десятью бусинами диаметром 2,1 см (погребение 13).

Однако вполне вероятно, что не все такие изделия являются височными кольцами. Например, под правым кольцом в погребении № 54 также были обнаружены человеческие волосы, а под ними — остатки dna гробовища. Исходя из их местоположения, можно уверенно утверждать, что в данном случае это не височные кольца, а серьги. Предположение о том, что многие височные украшения, считавшиеся кольцами, крепившимися к кожаным или тканевым лентам, на самом деле являются серьгами, уже высказывалось в литературе [Sagacheva 2002: 351–356]. Это предположение основано на находках мумифицированных человеческих ушей, в которые были продеты украшения, считавшиеся до того височными кольцами. В могильнике Кюлялахти для каждой находки пары таких предметов (семь погребений) нет абсолютной уверенности в том, что хотя бы часть из них является серьгами, но в трех случаях — в погребениях 3, 13 и 54 — это вполне вероятно.

Центральная Европа. Находки многобусинных височных колец встречаются в кладе из монастыря Барте в Восточной Фрисландии (Северо-Западная Германия), в котором также присутствовали монеты XVI века. Однако С. Крабат датирует кольцо и другие вещи из того же клада двумя веками ранее, поскольку они имеют прямые аналогии в ряде других германских кладов XIV столетия, в том числе и из Притцвалка [Krabath 2001: 125, Abb. 24–25; Krabath, Lambacher 2006: Abb. 48–49].

Восточная Европа. За рассматриваемыми изделиями закрепились характеристика этноопределяющих [Седов 1953: 190–229]. В настоящее время, учитывая географию находок и их хронологию, данная точка зрения может считаться лишь достоянием историографии [Кольчатов 1984: 175; Лесман 1990б: 100; Конечский 1990: 104]. Многобусинные височные кольца найдены

как на Северо-Западе, где они действительно были чрезвычайно популярны в определенный период времени, так и в Восточной Эстонии, Латвии, на Псковщине, в Понеманье, Подмосковье вплоть до Коми [Кунцене 1979: 76–100; Савельева 1987: рис. 33, 40, 45, 37, 134, 144]. В Южной Руси их находки связаны с материалами кладов, в ряде случаев хорошо датированных монетами XV века [Панченко 2002].

В погребальных комплексах на Ижорском плато многобусинные височные кольца датированы В. А. Кольчатовым (тип IV его типологии) временем не ранее конца XIII века [Кольчатов 1984: 173]. Тем же временем и позднее датирует эти украшения в могильниках Водской земли Е. А. Рябинин [Рябинин 2001: 244, 245, табл. XXVIII: 6–10, XXIX: 1–8].

Новгород. По М. В. Седовой, десять многобусинных колец встречены в новгородских слоях конца XIII — начала XV века. По подсчетам Ю. М. Лесмана, в новгородских слоях на нескольких раскопах известны 20 экземпляров таких колец, которые датированы временем не ранее 1281 года (после 12 яруса и выше) [Лесман 1990а: 70; 1990б: 99–100]. Кроме того, на всех экземплярах колец в Кюлялахти присутствует ограничитель в виде литого валика. Такой конструктивный элемент существует в Новгороде на изделиях после 1299 года (после 11 яруса) [Лесман рукопись, в печати].

СЕРЬГИ

Серьги обнаружены в погребениях № 9, 50 и 82. Все изделия единичные и разных типов.

1. Серьга в виде знака «?»

В погребении № 50 с левой стороны черепа была обнаружена одна фрагментированная серебряная с позолотой серьга в виде знака «?» (рис. 69–I).

Ижорское плато. Большое количество этих изделий найдено в погребальных комплексах XIV–XV веков на Ижорском плато [Спицын 1896: 20, табл. I: 3, 4, 8, 9; табл. XII: 7, 8]. Не ранее 1313 года на основе новгородской вещевой шкалы датировал эти украшения Е. А. Рябинин [Рябинин 2001: табл. XXIX: 9–11].

Новгород. По подсчетам М. В. Седовой, в Новгороде найдено 15 серег этого типа, обнаруженных в слоях XIV–XV веков [Седова 1981: 16, рис. 3–1, 2, 9]. Согласно исследованиям Ю. М. Лесмана, в Новгороде такие изделия датированы временем после 1313 года (10 ярус и выше) [Лесман 1990б: 70–71].

2. Проволочная серьга с ажурным оформлением края

В погребении № 82 была обнаружена серьга из серебряной округлой в сечении проволоки с ажурным оформлением одного из краев 2,8 см в диаметре (рис. 110–I).

Новгород. Изделие принадлежит к большой и разнообразной серии перстнеобразных проволочных колец, представленных в слоях Новгорода с 60–70-х годов XI века по XV век [Седова 1981: 13, рис. 3–7, 8, 11]. Ряд хронологически значимых признаков таких колец позволяет несколько сузить дату

их бытования: простые (с прямыми тупыми или заостренными концами) незамкнутые проволочные кольца датированы в Новгороде временем до 1382 года (до 8 яруса) [Лесман рукопись, в печати].

3. *Фрагмент серьги (?) в погребении № 9*

С правой стороны от нижней челюсти был обнаружен фрагмент миниатюрной серебряной сережки в виде полукольца. Диаметр целого изделия был, вероятно, около 1 см (рис. 27).

ЗАМКНУТЫЕ ФИБУЛЫ

Замкнутые фибулы являются одной из наиболее выразительных категорий изделий в составе комплексов как мужских, так и женских грунтовых погребений. Большая их часть является северо- и/или центральноевропейским импортом, поступавшим в результате активных торговых связей, поэтому период их бытования в Карелии может быть синхронизирован с соответствующими европейскими шкалами.

Находки замкнутых, в особенности кольцевидных, фибул известны достаточно широко по всей территории Европы. Соответственно им посвящена обширная литература. В контексте карельских находок наиболее интересны, безусловно, аналогии с территории Северной и Центральной Европы, а также Прибалтики и прилегающих районов Новгородской земли. В Западной и Северной Европе они датированы временем не ранее второй половины XII века [Blomquist 1947: 132–139; Platt, Coleman-Smith 1975: 258 fig. 241: 1756; Kirme 1986: 24–25]. На Северо-Западе России находки таких фибул известны в Новгороде с XII века, на Ижорском плато и гдовских курганах [Седова 1981: рис. 31: 1, 3, 16, рис. 33: 1, 2; Спицын 1896: табл. X: 9, 10, табл. XII: 11; Спицын 1903: табл. XIV: 14, 21, 27]. Но следует заметить, что датировки, приводимые А. А. Спицыным, устарели и в значительной мере скорректированы Ю. М. Лесманом [Лесман 1984а: 134–140, табл. 1, тип 34; Лесман 1990б: 77–78].

Что касается находок в Финляндии, то К. А. Нордман объяснял их широкое распространение и популярность лидирующей позицией Готланда в балтийской торговле [Nordman 1924: 176–178]. П. Сарвас, соглашаясь с предыдущим мнением, несколько позднее уточнил время появления кольцевидных фибул в погребениях на территории Финляндии, отнес их не ранее чем к XIII–XIV векам, и предположил, что это было в целом следствием усиления влияния Ганзы [Sarvas 1971: 59]. По подсчетам П. Пурхонен, в недавнее время в Финляндии было известно более 40 находок кольцевидных фибул в погребениях, относимых к эпохе Крестовых походов [Purhonen 1998: 134–135, 260–261].

К. А. Нордман датировал кольцевидные фибулы в могильниках Карелии XIII — началом XIV века на основании находки в погребении № 9 могильника Тууккала, где такое изделие было обнаружено вместе с двумя овально-выпуклыми фибулами и серебряной круглой брошью. Кольцевидные фибулы были обнаружены также в погребениях № 2 и 3 могильника Кекомьяки

в одном комплексе с подковообразными серебряными фибулами (тип П:2, по А. И. Сакса), причем погребение № 3 этого могильника сходно по составу сопроводительного инвентаря с погребением в Тууккала [Nordman 1924: 9–10, 177–178, 196].

Типология кольцевидных фибул ввиду их массовости и разнообразия достаточно детально разработана для различных регионов Северной и Восточной Европы. Например, детальная типология датских фибул предложена в работе М. Севсе [Søvsø 2009: 183–210, fig. 2]. Шведские находки, преимущественно в Лунде, проанализированы в небольшой статье Р. Бломквиста [Blomquist 1947: 120–155], ирландские — в монографическом исследовании М. Дивви [Deevy 1998], прибалтийские (Эстония, Латвия) — К. Кирме [Kirme 1986: 24–25] и Х. Валком [Valk 1999: 85–100], наконец, финляндские подробно рассмотрены в работе В. Иммонена [Immonen 2009: 255–267]. Находки в слоях Новгорода проанализированы М. В. Седовой и Ю. М. Лесманом [Седова 1981: 89–92; Лесман 1990б: 78; Лесман рукопись, в печати], на территории Восточной Европы — В. А. Мальм, которая датировала их в целом XIII–XV веками [Мальм 1967: 168–173].

В карельских грунтовых могильниках обнаружены только пластинчатые экземпляры кольцевидных фибул, за исключением фибулы из погребения № 31 могильника Кюлялахти, которая имеет уплощенно-треугольное сечение, и маленькой бронзовой застежки в погребении № 80 того же могильника. В историографии сложилось устойчивое мнение, что в целом такой тип фибул несколько моложе, чем с объемной в сечении дугой, и появляется не ранее, чем в конце XII века, но наибольшей популярности достигает в XIV столетии в регионах Западной и Северной Европы [Immonen 2009: 258–259]. В течение XV столетия такие фибулы значительно реже стали использоваться в costume, хотя в отдельных случаях их находки известны и в более позднее время в формах так называемых «крестьянских» или «простонародных» фибул [Deevy 1998: 10–11; Tamla, Kuidsoo 2005: 76–77].

В погребениях могильника Кюлялахти встречены следующие типы замкнутых фибул:

1. Пластинчатые кольцевидные фибулы со слабовыраженным подтреугольным или уплощенным сечением дуги, неорнаментированные

Фибула из погребения № 31 (рис. 52–1а, б). Целая серия таких фибул известна в погребениях или обнаружена случайно в могильниках Тууккала и Висулахти в районе Миккели [Purhonen 1998: 260–261, № 6, 9, 22, 26, 30].

Северная Европа. Этот простейший тип кольцевых фибул (тип 1.1) М. Севсе датировал XII–XV веками [Søvsø 2009: 187, fig. 8].

Новгород. В Новгороде замкнутые цельные неорнаментированные фибулы датированы временем с 1177 по 1369 годы (с 17 по 10 ярус [Лесман рукопись, в печати]).

Финляндия. Фибулы рассматриваемого типа (тип “В”, по Иммонену) имеют, видимо, длительный период бытования, начиная с конца XIII века вплоть до Нового времени [Immonen 2009: 259].

Прибалтика. Такой же широкий период бытования имеет рассматриваемый тип замкнутых фибул (группа 6, по классификации Х. Валка) в Эстонии [Valk 1999: 86, 95].

2. Пластинчатые кольцевидные фибулы, дуги которых соединены мотивом рук в рукопожатии

К такому типу фибул относятся изделия, обнаруженные в комплексах погребений № 7, 64 и 88 (рис. 23–1а, b; 97–1а, b; 117–1а, b).

Западная Европа. Изделия такого типа широко распространены по территории Европы, включая Ирландию. Ирландские экземпляры датированы XIII–XIV веками на основе английских и французских параллелей [Deevy 1998: 23–24].

Центральная и Северная Европа. В Германии фибулы этого типа датированы временем не ранее второй половины XIII века [Heindel 1986: 74]. Датировка XIV столетием подтверждена находками в кладе ювелирных изделий из Притцвалка (северный Бранденбург), датированном 1392 годом [Krabath, Lambacher 2006: 71–72]. Для находок в Швеции, в том числе в Готланде и Дании, их даты также основаны на точных датировках кладов, которые известны не ранее XIV века [Edgren 1999: 16; Søvsø 2009: 195]. Таким образом, широкое распространение в Северной Европе таких фибул во второй половине XIII века маловероятно. Наибольшей популярности они достигают позднее.

Новгород. Известен такой тип фибул в Новгороде в слоях 60–90-х годов XIV века, что не противоречит времени их бытования в Европе [Седова 1981: 91, рис. 33–1]. Кроме того, согласно Ю. М. Лесману, изображения руки известны на новгородских изделиях после 1299 года (после 11 яруса) [Лесман 1989а: 84]. Также следует отметить, что на изделиях из погребений № 64 и 88 в Кюлялахти возле «запастий» нанесен орнамент в виде четырехугольника, внутри которого — перекрещенные косые линии. Это может быть стилистической имитацией манжет, во всяком случае возникает такое впечатление при внимательном рассмотрении этих вещей. Углубленный или рельефный орнамент из зон, покрытых простой решеткой, по материалам Новгорода датирован временем после 1161 года (после 18 яруса и выше) [Лесман 1989а: 84].

Финляндия. На основании находок из стратифицированных слоев Турку В. Иммонен (тип “Н”) определяет даты находок в Финляндии временем не ранее XIV века [Immonen 2009: 262].

3. Пластинчатые кольцевидные фибулы, дуги которых соединены мотивом двух пар рук в рукопожатии и с надписями

Экземпляр из погребения № 7 в Кюлялахти сочетает в себе черты двух типов: помимо рукопожатия, это изделие относится к типу фибул с надписями и содержит буквы “MM MVA” на внешней стороне дуги, что, вероятно, является имитацией надписи “AVE MARIA” (рис. 23–1а, b). Находки кольцевидных фибул, сочетающих в себе как рукопожатия, так и надписи, в Карелии, кроме Кюлялахти, пока неизвестны.

Центральная Европа. В Германии фибулы этого типа датированы временем не ранее второй половины XIII века [Heindel 1986: 67, 74–75].

Северная Европа. В Северной Европе фибулы рассматриваемого типа (тип 3.2, по М. Севсе) датированы XIV веком, не ранее [Søvsø 2009: 188, fig. 8].

Новгород. В Новгороде в слоях 60–90-х годов XIV века найдена фибула, дуги которой соединены мотивом рукопожатия, с надписью “IAIVIANRXI” [Седова 1981: 91, рис. 33–1]. Как уже было отмечено, изображения руки известны на новгородских изделиях после 1299 года (после 11 яруса) [Лесман 1989а: 84].

4. Пластинчатые фибулы с конусами скани

Погребение № 8 могильника Кюлялахти (рис. 25–1а, б). В районе шейного отдела позвоночника погребенной женщины была обнаружена кольцевидная серебряная с позолотой фибула с 21 конусами скани и каплями зерни между ними. Изделие центральноевропейского производства, в памятниках Северо-Запада и Восточной Европы в целом аналогии неизвестны.

Центральная и Северная Европа. Фибулы, похожие по идее исполнения, но отличающиеся формой дуги, известны в кладе из города Притцвалк в Северной Германии (Северо-Западный Бранденбург), датирующемся 1392 годом, а также в кладе из Щецина (современная Польша) [Krabath, Lambacher 2006: kat-nr 36, 42, abb. 16]. Правда, экземпляр из Кюлялахти оформлен несколько скромнее, чем указанные предметы, что не делает данную находку менее значимой.

Это изделие может быть отнесено к большой группе замкнутых фибул с выступами. По датским материалам Х. Севсе датирует этот тип (тип 2.7 по его типологии) 1200–1300 годами [Søvsø 2009: 188, fig. 8]. По всей видимости, фибула именно этого типа изображена на скульптуре английской королевы Беренгарии (умерла в 1230 году), жены Ричарда Львиное Сердце, датированной 1235 годом, прорисовка которой приводится Р. Бломквистом [Blomquist 1947: Bild. 2].

Новгород. На территории Руси в целом и в Новгороде в частности аналогии рассматриваемому изделию неизвестны. Тем не менее изделие обладает хронологически значимыми признаками по новгородской шкале: фибулы замкнутые цельные пластинчатые датированы в Новгороде 1177–1382 годами (17–8 ярусы), фибулы замкнутые цельные с гладким (не считая выемки для иглы) внешним краем датированы 1177–1369 годами (17–9 ярусы) [Лесман 1990б: 78; Лесман рукопись, в печати].

5. Маленькая (диаметром около 20 мм) бронзовая кольцевидная застёжка без орнамента

Такое изделие было обнаружено при погребении № 80 (рис. 109–I). Она также имеет пластинчатую дугу, но в отличие от других фибул в рассматриваемом могильнике ее дуга развернута не в горизонтальной плоскости, а в вертикальной.

ПЕРСТНИ

В европейской литературе, преимущественно искусствоведческой направленности, существует множество сводных публикаций средневековых

перстней [Scarisbrick 1993, 2007; Campbell 2009 и др.], в том числе и отдельных регионов, например Англии [Oman 1974]. Эти публикации содержат огромный материал. Тем не менее разработки обобщающих типологических схем перстней позднего Средневековья еще далеки до завершения. В этом случае для перстней, обнаруженных в карельских могильниках, более применимы типологические и, как следствие, хронологические разработки на древнерусском материале.

Типология древнерусских перстней была намечена еще А. А. Спицыным [Спицын 1896, 1903], а затем разработана А. В. Арциховским [Арциховский, 1930: 9–25]. В дальнейшем результаты этих разработок использовались при публикации материалов из раскопок в Новгороде [Седова 1981: 93–121] и памятников (преимущественно погребальных) сельских районов Древней Руси [Недошивина 1967: 253–274; Сарычева 1994: 85–97]. На новгородских материалах Ю. М. Лесман изменил традиционный подход к типологии перстней, основанный на иерархическом упорядочивании типов, разработав «диагностическую типологию» (по его терминологии), задачей которой является получение диагностических, в данном случае, хронологически значимых типов [Лесман 2004: 138–156; Лесман; рукопись в печати]. Автор выделил четыре большие конструктивные группы перстней: пластинчатые, массивные, щитковые (собственно щитковые, печатные и перстни со вставками) и проволочные: витые и плетеные, ложнопроволочные и дрововые (однооборотные и спиральные) и их морфологические и конструктивные варианты — и дифференцировал перстни на типы по целому комплексу параметров. При этом часть типов включают перстни различных конструктивных групп (Лесман 1984:135, табл.1, 1990: 46–55; рукопись, в печати)¹. При этом часть типов включает перстни различных конструктивных групп [Лесман 1984а: 135, табл. 1; Лесман 1990б: 46–55; Лесман рукопись, в печати].

1. Перстни плетеные многопроволочные

Целая серия плетеных многопроволочных серебряных перстней обнаружена в погребениях № 3, 13, 38, 55 и одна случайная находка, видимо, из разрушенного захоронения (рис. 19–4а, б; 34–5; 64–1; 83–I).

Новгород. Плетеные перстни известны в курганных древностях Северо-Запада России и в культурных слоях Новгорода [Недошивина 1967: 263–264, рис. 33:9; Седова 1981: 125, рис. 45–11, 16, 17; Лесман 1990б: 51; Лесман рукопись, в печати]. М. В. Седовой опубликован золотой перстень начала XIV века, по типу идентичный найденным в некрополе Кюлялахти [Седова 1981: 127, рис. 48]. Перстни плетеные датированы в Новгороде предположительно 1161–1382 годами (предположительно 18–8 ярусы) [Лесман 1990б: 51].

2. Перстни щитковые

а) Перстень с линзовидным щитком из погребения № 30 (рис. 48–4). В центральной части погребения был расчищен бронзовый перстень с золо-

¹ Для каждого перстня существует значительное количество хронологически значимых типов (10 и даже более). Но мы будем указывать только те, которые определяют дату конкретной вещи в рамках новгородской хронологии.

тым щитком, на котором имеется зооморфное изображение кошачьего хищника. Перстни с линзовидным щитком датированы по новгородской хронологии временем после 1299 года (после 11 яруса) [Лесман 1990б: 53]. Точных аналогий изображению хищника на перстнях найти пока не удалось.

б) Перстень с плоским круглым щитком. Такой перстень входил в состав комплекса погребения № 90 (рис. 119—3а, б). На щитке имеется гравированное крестовидное изображение. Изделие сочетает ряд хронологически значимых типов: перстни с плоским круглым щитком — дата после 1238 года (после 14 яруса), перстни с крестом или крестовидным изображением в центре щитка — дата после 1238 года (после 14 яруса) [Лесман 1990б: 52; Лесман рукопись, в печати].

в) Перстни с ромбическим щитком

1) *Пластинчато-щитковый незамкнутый перстень*

В погребении 57b могильника Кюлялахти Калмистомяки был найден бронзовый пластинчато-щитковый перстень с ромбическим расширением в центральной части (рис. 87—1а, б).

Новгород. По новгородской хронологической системе это изделие сочетает ряд хронологически значимых типов: перстни пластинчатые и литые пластинчато-щитковые или массивные широкосрединные узкие и средние (максимальная ширина от 5 до 17 мм) — дата до 1340 года (до 10 яруса), перстни с треугольной в сечении шинкой, как простые замкнутые и незамкнутые, так и ложновитые, щитковые, печатные, — дата после 1224 года (после 15 яруса) [Лесман 1990б: 48—49; Лесман рукопись, в печати].

Таким образом, по совокупности хронологически значимых типов этот перстень может быть датирован в рамках новгородской хронологии 1224—1340 годами (15—10 ярусы).

2) *Перстень с ромбическим щитком*

В центральной части погребения № 33 могильника Кюлялахти Калмистомяки в районе грудной клетки был обнаружен бронзовый перстень с ромбическим щитком [Бельский, Лааксо 2009: 157].

Новгород. По новгородской хронологической системе это изделие сочетает ряд хронологически значимых типов: перстни со щитком (без печатных и перстней со вставками) большой длины (не меньше 17 мм) — дата: 1116—1396 годы (20—7 ярусы), декор ложной зернью поверх проходящего по краю щитка или печатки рельефного валика — дата: 1313—1409 годы (10—6 ярусы) [Лесман 1990б: 52—54; Лесман рукопись, в печати].

Таким образом, по совокупности хронологически значимых типов этот перстень может быть датирован в рамках новгородской хронологии 1313—1396 годами (10—7 ярусы).

г) Перстень с высоким ажурным щитком

Уникальный перстень был найден в комплексе погребения № 59 (рис. 90—1а, б). Сделан он был следующим образом: на пластинчатую бронзовую шинку припаяна ажурная серебряная верхушка конической формы сечения, происходящая, очевидно, от другого артефакта, но использованная вторично.

Центральная Европа. Похожий по форме верхушки перстень известен в уже упоминавшемся кладе из Притцвалка, правда, имеет орнаментацию по кольцу и внутри самой печатки в виде розетки [Krabath, Lambacher 2006: kat-nr 418].

Новгород. По новгородской хронологической системе это изделие обладает хронологически значимым типом: перстни с шинкой, изготовленной отдельно от щитка, а затем соединенной со щитком, — дата после 1116 года (после 20 яруса) [Лесман рукопись, в печати].

д) Пластинчатые замкнутые узкие перстни (максимальная ширина 5 мм)

Перстни такого типа найдены в двух погребениях: № 31 и 63 (рис. 52—3а, б; 96—1).

Новгород. По М. В. Седовой, перстни такого типа составляют особую узкохронологическую группу XIV—XV веков [Седова 1981: 132—133]. По подсчетам Ю. М. Лесмана, в Новгороде встречено 14 экземпляров таких перстней, которые не известны ранее 1340 года [Лесман рукопись, в печати].

ПРИВЕСКИ

Эта категория изделий и их классификация неоднократно привлекали внимание исследователей как в рамках общих работ и публикаций [Спицын 1896, 1903; Седова 1981: 23—71], так и в специальных исследованиях, посвященных отдельным их категориям: медальонам, амулетам, нагрудным и поясным привескам, зооморфным украшениям Древней Руси и финно-угров (например: [Седов 1968: 156—157; Журжалина 1961; Успенская 1967; Голубева, Варенов 1978; Рябинин 1981; Покровская 2005: 161—174]). Хронологически значимые типы привесок из новгородских раскопок были специально рассмотрены Ю. М. Лесманом [Лесман 1990б: 55—68; Лесман рукопись, в печати].

1. Нагрудная фестончатая привеска из погребения № 1

Изделие представляет собой плоскую (толщина около 3 мм) почти дисконидной формы пластину с двумя рядами колец в нижней части и тремя рядами отверстий меньшего диаметра в ее основной части (рис. 15—2а, б). Отверстий меньшего диаметра — 16, они расположены тремя почти параллельными рядами — по 6 в верхнем и по 5 в среднем и нижнем рядах. Два ряда крупных колец в нижней части пластины расположены также параллельно друг другу, но так, чтобы кольцо нижнего ряда, состоящего из четырех колец, находилось между двумя кольцами верхнего ряда, состоящего из пяти. Форма изделия такова, что нижние ряды крупных колец выступают за границы основной части пластины, создавая впечатление двучастности изделия, — основная часть пластины декорирована нижними рядами колец-фестонов. В верхней части пластины сделано длинное овальное сквозное отверстие, за которое подвешивалось все изделие посредством льняных нитей. Их остатки сохранились на правой и левой сторонах перемычки и были выявлены при реставрации изделия. При расчистке изделия в лабораторных

условиях выяснилось, что к одному из колец привязан хорошо сохранившийся кожаный ремешок шириной 0,5 см, на другом конце которого сохранился фрагмент бронзовой проволоки.

Финляндия. Прямых аналогий данному изделию неизвестно. Однако существует одна категория изделий, сходная с украшением из погребения № 1 в Кюлялахти. В Теува Лаутамяки был найден похожий артефакт, предположительно фибула, состоящая из широкого орнаментированного бронзового кольца с рядом из четырех колец в нижней части [Kivikoski 1973: taf. 123, abb. 1112]. Э. Кивикоски предположила, что форма данного артефакта сходна с находкой из Луккаринмяки эпохи Меровингов [Kivikoski 1973: 64, abb. 423]. Вероятно, данный артефакт продолжает линию развития таких изделий. Однако он, несомненно, является подвеской, что, на мой взгляд, ставит его в один ряд с так называемыми арочными привесками, широко распространенными в Прибалтике.

Новгород. Изделие может быть отнесено к типу привесок с рядом из двух и более литых или припаянных колечек для привешивания к ней других привесок: цепочек, колокольчиков. Такие привески в Новгороде датированы 1161–1382 годами, возможно, и позже (18–8 ярусы, возможно, выше) [Лесман рукопись, в печати].

2. Привеска-кулон из погребения № 13

Своеобразная подвеска-кулон была обнаружена в комплексе погребения № 13 у левой стороны нижней челюсти погребенной (рис. 34–3). Она представляла собой полу сферическую бусину, украшенную ложной зернью, диаметром около 1 см с двумя ушками: в верхнее, по всей видимости, продевался шнурок, на нижнее была закреплена плоская «сердцевидная» подвеска длиной 1,2 см. Изделие сделано из золота либо из серебра очень высокого качества.

Центральная и Западная Европа. Схожие изделия известны из клада в Щецине, датированного началом XV века, и в слоях средневекового Лондона [Krabath, Lambacher 2006: abb. 16; Egan, Pritchard 1991: 322].

Появление листовидных привесок на разного типа вещах (височных кольцах, серьгах, пуговках и т. д.) характерно для XIV–XV веков. Такие привески распространены очень широко — от Болгарии до Польши, Украины и Центральной Европы [Петрунова 2006: 189–203].

3. Привески зооморфные

Зооморфные привески — полые «коньки» (группа VI, тип XX, по Е. А. Рябинину [Рябинин 1981: 35, рис. 10, табл. 4]) — завершали комплексы поясных привесок в погребениях № 54 и 59 (рис. 81–5f, 90–3b).

Восточная Европа. Арел подвесок XX типа — огромные территории Руси и прилегающие районы. Е. А. Рябинин отметил, что особенно примечательно скопление полых коньков в крупнейшем центре Северо-Западной Руси — Великом Новгороде. Дата таких изделий, по мнению исследователя, XII–XIII века [Рябинин 1981: 39, 43].

Новгород. По подсчетам М. В. Седовой, за период с 1953 по 1973 год здесь обнаружено 48 целых и 22 фрагментированных изделия рассматриваемого

типа [Седова 1981: 31, рис. 9]. Такая концентрация зооморфных украшений сходного типа резко выделяет Новгород из числа всех поселений Восточной Европы. Наиболее ранние экземпляры найдены в слое конца XII века, самые поздние относятся к концу XIV — началу XV века. Период их наибольшего распространения в Новгороде — 1250–1350 годы [Седова 1981: 31–34]. И одноглавые, и двуглавые изображения существовали одновременно [Покровская 1993: 146–147, рис. 1–4, 6]. Преемственной, эволюционной смены выделенных серий объемных подвесок на новгородском материале не является [Рябинин 1981: 42]. Согласно хронологическим исследованиям Ю. М. Лесмана, полые коньки датируются в Новгороде в пределах 1161–1382 годов (18–8 ярусы) [Лесман 1990б: 58] при особом увеличении их количества в XIII веке [Покровская 1993: 147; Покровская 2005: 165]. Изделие из погребения № 54 имеет дополнительный тип — изделие с ложной сканью («грива» привески). Дата: после 1224 года (после 15 яруса) [Лесман рукопись, в печати].

РЕМЕННАЯ ГАРНИТУРА

В разделе рассматриваются изготовленные из железа или цветных металлов части различных предметов, крепившиеся преимущественно на основу из кожи.

Ввиду типологического разнообразия и семантической значимости в структуре костюма [Плетнева 1967: 161–166] ременная гарнитура часто привлекает внимание исследователей, но зачастую в публикациях рассматриваются либо отдельные категории находок, либо типы, бытующие в отдельный ограниченный период времени. Что касается ременной гарнитуры древнерусского времени, то первые публикации, имеющие характер предварительного обобщения археологического материала, относятся к концу XIX — началу XX века [Спицын 1896; Спицын 1903]. В них детали ремней рассматривались наряду с прочими курганными находками. Лишь век спустя в монографии В. В. Мурашевой была проанализирована одна из функциональных деталей ремней — накладки (как на средние части, так и на концы ремней) [Мурашева 2000]. Публикуя новгородские ювелирные изделия, М. В. Седова привела классификацию различных деталей ременной гарнитуры, опираясь на предшествующие публикации, в основном конца XIX — начала XX века, и указывая их некоторые аналогии [Седова 1981: 144–153].

Подробную типологию и хронологию деталей ременной гарнитуры новгородской коллекции разработал Ю. М. Лесман [Лесман 1984а: 137–138, табл. 1; Лесман 1990б: 72–73, 78–79; Лесман рукопись, в печати]. Новгородская коллекция изделий, являющихся частями ременной гарнитуры, разнообразна функционально и морфологически, в силу чего и число хронологически значимых типов относительно невелико. Большинство из них охватывают вещи одной категории, но некоторые объединяют различные детали поясов, образующие единые стилистические или технологическо-морфологические группы.

Также следует отметить некоторые статьи, посвященные поясам, однако в них фактически рассматривается лишь одна группа [Фоняков 1986: 62–65; Михайлов, Соболев 2000: 222–228].

Западноевропейская поясная гарнитура XIII–XV веков (преимущественно пряжки) была проанализирована в монографиях Е. Фингерлин, Р. Уайтхеда, С. Крабата [Fingerlin 1971; Whitehead 1996; Krabath 2001].

Элементы поясной гарнитуры встречены в погребениях № 16, 33, 39, 46, 64, 84 (мужские) и № 8, 30, 54, 59, 61 (женские).

В погребениях № 16, 39 и 84 представлены только железные поясные пряжки четырехугольной (в погребениях № 16 и 39) и, вероятно, круглой или овальной формы (в погребении № 84) (рис. 40–1; 65–1; 113–2). Данные артефакты имеют достаточно плохую сохранность. В погребении № 16 помимо пряжки встречены два кольцевидных железных поясных разделителя без декора четырехугольного сечения; в погребении № 39 обнаружен один подобный разделитель. Кольцевидные бронзовые разделители найдены в погребениях № 39, 30, 54, 59, 61 (рис. 97–2).

1. Разделители поясов

В погребении № 33 встречен характерный для карельских грунтовых могильников более раннего, чем некрополь Кюлялахти, периода (рис. 55–2). Артефакт обнаружен у фрагментов правой бедренной кости и представлял собой крупный (диаметром 5 см) бронзовый (возможно, с позолотой) ременной разделитель с углубленным геометризованным растительным орнаментом. На одной из его частей (северной по положению в погребении) сохранился фрагмент кожаного изделия, вероятно пояса, шириной 0,8 см.

Такие разделители ремней известны в карельских грунтовых могильниках, изученных Т. Швиндтом в 1880–е годы. Они входили в комплекс сопроводительного инвентаря погребений № 2 в могильнике Суотниэми (2 экз.) и № 1:1 в Кекомьяки (4 экз.) [КМ 2487: 20, 21; 2489: 21a–d; Schwindt 1893: 83, 417, 418; Kivikoski 1973: Abb. 1205].

В погребении № 30 комплекс поясной привески крепился к бронзовому поясному кольцу (рис. 50–1), обладающему хронологически значимым типом по новгородской шкале: круглые замкнутые кольца большого размера (диаметр не менее 34 мм) — дата после 1096–1369 годов, возможно, и позже (21–9 ярусы, возможно, позже).

2. Ременная гарнитура из погребения № 46

В состав гарнитуры входили: поясная пряжка с двумя выступами по краям рамки, три накладки с фигурным краем и два поясных кольца, круглые в сечении (рис. 72–1a–e). Пряжка соединена с накладкой трапециевидной формы, имеющей фигурное завершение с противоположного от рамки края. Идентичный найденным в погребении № 46 могильника Кюлялахти наконечник известен среди находок из Тиверска в раскопках С. И. Кочкуркиной [Кочкуркина 2010: 179, табл. 3, 6].

Центральная Европа. Это изделие имеет аналогии среди «профилированных» пряжек группы № 5, выделенных Е. Фингерлин [Fingerlin 1971: 73,

№ 83, kat. nr. 101, № 85, kat. nr. 461]. Такие изделия датированы временем не ранее XIII века, возможно, до начала XIV века [Fingerlin 1971: 72–74]. Однако дополнительные возможности для датировки пояса в целом дают наконечники ремня с фигурным краем. Такие же изделия, только более вытянутых пропорций из Домбурга, датированы Е. Фингерлин первой половиной XIV века [Fingerlin 1971: 98–99, № 136, kat. nr. 333].

Новгород. Дополнительные возможности для датировки накладок дают некоторые морфологические хронологически значимые типы по материалам Новгорода: накладки ременные со шпеньками, не отлитыми вместе с накладкой, а припаянными или вставленными в отверстия в накладках, — дата после 1238 года (после 14 яруса), накладки ременные недекорированные — дата: 1134–1382 годы (19–8 ярусы) [Лесман рукопись, в печати].

3. Ременная гарнитура из погребения № 8

В погребении № 8 могильника Кюлялахти Калмистомяки была обнаружена ременная гарнитура (рис. 25–5а–о). Возможно, некоторые мелкие бляшки, а также пряжка не сохранились. Пояс не был надет на покойную (это было погребение женщины, помимо ременной гарнитуры содержавшее кольцевую фибулу, бронзовую пуговицу и нож), а положен сбоку, вдоль правой стороны, причем наконечником в сторону головы. В момент расчистки изделие представляло собой несколько скоплений трудноопределимых сильно коррозированных железных артефактов, расположенных у костей правого плеча, предплечья и у таза. После расчистки в лаборатории выяснилось, что изделие представляет собой почти полный поясной набор удовлетворительной сохранности.

Ременная гарнитура состоит из наконечника, трех крупных фигурных бляшек и 11 мелких. Составляющие ее элементы сделаны из железа и украшены узором из тонкой серебряной проволоки, нанесенным методом поверхностной насечки [Флеров 2001: 156–157].

Наконечник. Наконечник подпрямоугольной формы с треугольным выступом на одном конце и с треугольным же вынутым сегментом — на другом. Орнамент из серебряной проволоки состоит из парных прямых параллельных линий, повторяя форму контура. Ближе к центру также следуют парные параллельные линии. Внутри них вписаны восемь треугольников, составленные из геометризованной спирали, чередующиеся по позиции острием вверх, затем острием вниз.

Бляшки крупные. Три экземпляра. Форма бляшек представляет собой фестончатую розетку с отверстиями. Фестоны формируют лепестки секировидной формы. Одна бляшка имеет восемь лепестков, две других — по шесть. В центре каждой из бляшек — сферическая бронзовая заклепка. С внутренней стороны — железная скоба, посредством которой они крепились к кожаной основе. Не совсем понятно, почему одновременно на изделии присутствуют два вида крепления — с помощью заклепки и скобы. Орнамент также из серебряной проволоки: от центра расходятся парные прямые линии, образуя таким образом восемь или шесть секторов. Между ними вписан спиралевидный завиток, закрученный против часовой стрел-

ки. От сектора внутрь фестона отходит секировидный контур, внутри каждого из секторов — спиралевидный завиток, ниже — зигзагообразный мотив.

Бляшки стреловидные. Шесть экземпляров, которые несколько отличаются размерами. Имеют два «криновидных» выступа у острого конца и два выступа по бокам. Орнамент также из серебряной проволоки двух типов: первый тип проходит внутри контура, повторяя форму бляшки, у основания — аркообразная фигура, второй тип — проволокой образована центральная ось симметрии, по обе стороны которой зигзагообразная линия.

Бляшки четырехугольные. Различаются размерами, у более крупной по размеру с краю закреплено железное кольцо. У этой же бляшки орнамент в виде парных параллельных линий, повторяющих контур и образующих четырехугольник, внутри них ряд сомкнутых тупыми углами смежных ромбов. У другой, более мелкой, бляшки орнамент также в виде парных параллельных линий, повторяющих контур, внутри них — зигзаг.

Бляшки продолговатые ромбовидные. Три экземпляра (два во фрагментах). Форма состоит из центрального ромба с двумя округлыми расширениями по краям. Орнамент — вписанный ромб, внутри — вертикальный зигзаг.

Таким образом, рассмотренная поясная гарнитура представляет собой фрагменты, по всей видимости, кожаного пояса с несколькими (тремя?) поясными привесками. К элементам основного пояса относятся наконечник, три крупные фестончатые бляшки и четырехугольные пряжки (кольцо, укрепленное на краю одной из них, свидетельствует о том, что к нему что-то подвешивалось). Стреловидные же бляшки, надо полагать, служили наконечниками привесок.

Центральная и Западная Европа. Разнообразной формы розетковидные бляшки, служившие украшением пояса или перевези ремня, становятся чрезвычайно популярными в Европе с начала XIV века [Fingerlin 1971: 103–104, № 157, kat. nr. 324; Egan, Pitchard 1991: 26].

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БУСЫ ИЛИ ПУГОВИЦЫ

Характерным элементом погребального костюма, зафиксированного в комплексах некрополя Кюлялахти, были серебряные (часто с позолотой) бусины или пуговицы различных типов. В подавляющем большинстве случаев они встречены в погребениях в единичных экземплярах. Но их местоположение при погребении различно, поэтому они могли выполнять функцию пуговиц, но быть нашитыми на другие элементы одежды, а не только на ворот, быть украшением запястий или зажатыми в кулаке.

1. Бусы литые бронзовые, украшенные рельефными колечками

Бусина такого типа входила в состав комплекса поясной привески в погребении № 13 (рис. 34–6).

Новгород. По новгородской хронологической системе бронзовые бусы сочетают в себе несколько хронологически значимых типов: бусы литые (после 1076 года, 22 ярус и выше), выпуклые кружки в декоре ювелирных

изделий (1161–1382 годы, 18–8 ярусы) [Лесман 1989а: 82–87; Лесман 1990б: 81; Лесман рукопись, в печати].

2. Крупные шарообразные бусы или пуговицы с орнаментом из кружков скани и гладким ободком

Обнаружены в погребениях № 19, 30 (2 экз.) и № 34 (рис. 42–1; 48–3а, б; 56–3). Такие изделия могли быть как одной пуговицей, так и подвеской, нашивкой или украшением, имевшим несохранившуюся органическую основу. В равной степени они могли быть зажаты в кулаке погребенного или лежать, к примеру, в кошельке: в погребении № 19 бусина была обнаружена у левой бедренной кости, в погребении № 13 — среди костей кисти рядом с перстнем.

Видимо, они являются производной формой XIV–XV веков от более ранних образцов домонгольского периода¹.

3. Бусы или пуговицы биконической формы, в центральной части которых рифлением выделена орнаментальная зона

Таких бусин обнаружено две — в погребениях № 53 и 71 (рис. 80–1а, б; 103–1а, б).

Восточная Европа. Вероятно, прототипами таких изделий были биконические бусины, украшенные вытянутыми треугольниками зерни, входившие в состав Гнездовского клада 1868 года [Гушин 1936: 56, табл. IV–1, 7]. Идентичные бусинам, найденным в Кюлялахти, изделия известны во владимирском кладе 1865 года, в спасско-болгарском кладе 1888 года и в кладе из деревни Сельцы 1892 года [Гушин 1936: 72, 81–82, табл. XVII–9, XXXII–3, 8, 9, XXXIV–8–10]. Бусины, видимо, входили в состав парадных оплечий — барм, состоящих из медальонов, перемежавшихся с бусинами [Корзухина 1954: 56; Макарова 1986: 100]. В карельских же погребениях встречены лишь единичные экземпляры бусин, использовавшиеся, надо полагать, в качестве пуговиц. Г. Ф. Корзухина отнесла эти клады к выделенному ею IV хронологическому периоду (1170–1240-е годы) [Корзухина 1954: 145, 149].

Новгород. Похожая бусина, найденная в Новгороде в слоях второй половины XIII века, опубликована М. В. Седовой [Седова 1981: 155, рис. 61, 9], но она имеет зигзагообразный рифленый узор. На экземплярах из Кюлялахти присутствует, вероятно, лишь имитация зерни. Согласно выделенным Ю. М. Лесманом хронологически значимым типам декора на ювелирных изделиях Новгорода, выпуклый орнамент из параллельных рядов рельефных валиков, образующих вытянутую орнаментальную зону, ограниченную с двух сторон рельефными поперечными валиками, датирован 1096–1382 годами [Лесман 1989а: 84].

4. Ажурная биконическая бусина или пуговица

Изделие найдено в погребении № 32 (рис. 54–1а, б). Это ажурная полая серебряная с позолотой бусина продолговатой формы, сделанная из тонкой скани.

¹ Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Центра археологии Института культурного наследия АН Молдовы к. и. н. С. С. Рябцевой за ценные консультации.

Восточная и Южная Европа. В составе московского клада, найденного на территории Кремля и датированного домонгольским временем, есть две подобные бусины, по стилю и технике изготовления схожие с найденной в данном погребении [Панова 1986: 39–40, рис. 7]. В Карпато-Балканском регионе ажурные бусины, видимо, заимствованные с Востока, поскольку такой тип узора встречается на иранских вещах XI века, известны в разных изделиях, в том числе и на височных кольцах¹. Вероятно, изделие из погребения № 32 в Кюлялахти относится к тому же типологическому ряду.

5. Шарообразные гладкие пуговицы с ушком. Такие изделия найдены в погребениях № 8 (бронзовая), 19, 31, 57а, 58, 85, 87, 91 (рис. 25–2; 42–2; 52–2; 86–3; 105–3; 114; 120–2).

Центральная Европа. Шарообразные тисненные пуговицы с ушком распространены в Центральной Европе в XIII–XIV веках [Krabath 2001: 210–212, Abb. 42–5].

Новгород. Изделия этого типа широко представлены в слоях Новгорода с 21 яруса (после 1096 года) [Седова 1981: 155, рис. 61, 3–7; Лесман 1984а: 137].

6. Серебряные с позолотой шарообразные бусины с гладкой поверхностью

Изделия диаметром до 1 см, идентичные напущенным на височные кольца. Они обнаружены в погребениях № 3 (в районе грудной клетки), № 7 (у проксимального конца левой бедренной кости), № 12 (среди костей левой кисти, видимо, была зажата в кулаке), № 37 (в районе грудной клетки), № 39 (под костями крестцового отдела), № 46 (на тазовых костях), № 63 (2 экз.), № 67 (предположительно мужское) — 2 экземпляра: одна найдена возле нижней челюсти, вторая — между проксимальными концами бедренных костей, ближе к левой кости, № 86 — в районе грудной клетки (рис. 19–3; 23–2; 31–3; 62–2; 65–2; 96–2, 3; 100–6, 7). Очевидно, функцию пуговиц несут бусины, найденные в погребениях № 57а и 67, но местоположение остальных, возможно, свидетельствует, что они были либо зажаты в кулаке (погребение № 12 и, вероятно, № 46) или были украшениями запястий (своеобразные браслеты?). Не исключено, конечно, что они могли быть перемещены в результате естественных причин.

Таким образом, находки таких бусин-пуговиц (?) — не случайность, а особенность ритуального костюма. В связи с этим любопытным представляется следующее обстоятельство: в 1880-е годы на месте, называемом «кладбищем» (kalmostoksi), на острове Килпола, на участке Ханнукайненев, местными жителями был найден меч, переданный затем в Выборг. После этого в 1885 году Т. Швиндт произвел здесь раскопки и обнаружил три могилы, вероятно, подростков [Schwindt 1893: 103–104; Кочкуркина 1981: 104, № 119]. На шею погребенных детей было положено по серебряной бусине с гладкой поверхностью [КМ 2486: 4, 6]. Эти бусины, видимо, использовавшиеся в качестве пуговиц, идентичны многим найденным в погребениях могильника Кюлялахти. Не исключено, что пока немногочисленные мате-

¹ Личная консультация С. С. Рябцевой.

риалы из могильников Северо-Западного Приладожья демонстрируют определенную вполне устойчивую локальную традицию в погребальном костюме, предусматривавшую наличие серебряных пуговиц, застегивавших, видимо, ворот одеяния вроде длинной рубахи. Причем зачастую каких-либо иных металлических вещей при погребении могло и не быть.

Кроме того, учитывая, что такие бусы идентичны напущенным на височные кольца, можно допустить, что они могут быть датированы также временем, когда такие височные кольца бытуют, а именно — после 1299 года.

7. Шарообразная пуговица с ушком, свернутая из рубчатой серебряной проволоки

Такое изделие представлено в единственном экземпляре в погребении № 37 (рис. 62—I).

БУСЫ СТЕКЛЯННЫЕ

1. Бусина из красного глухого стекла, гладкая, декорированная полихромными глазками с «ресничками»

Такая бусина обнаружена в составе поясной привески в погребении № 13 (рис. 34—6).

На Карельском перешейке и в Северном Приладожье найдено достаточно много бусин из разноцветного стекла (преимущественно желтого или зеленого), гладких, декорированных полихромными глазками с «ресничками», как в погребальных комплексах, так и на поселениях: Куркийоки Лопотти, Сортавала Хелюля Хернемяки, городища Хямеенлахти и Паасо, крепость Корела и случайная находка в Хиитола Нехвола [Appelgren 1891: 125—143, kuv. 147; Schwindt 1893: kuv. 512; Кочкуркина 1981: 20, № 15; Кочкуркина 2010: 221, табл. 58—7, 8; Кирпичников 1979: 60—61].

Скандинавия. Й. Каллмер определяет датировку этого типа бус (тип B090) периодом после 960 года [Callmer 1977: 46, 77, 221, Pl. 6, 7, Colour pl. 1].

Северо-Запад. В слоях Старой Ладogi и в курганах Юго-Восточного Приладожья находки таких бус датированы первой половиной X века [Щапова 1956: 177—178; табл. II: 19—24; Кочкуркина 1990: 39].

Новгород. Согласно Ю. Л. Щаповой, находки бус этого типа сосредоточены в 20—28-м ярусах и датированы X—XI веками [Щапова 1956: 178]. По уточненным данным Ю. М. Лесмана, цилиндрические разноцветного стекла глазчатые бусы сохраняются в Новгороде до 1310 года (до 11 яруса) [Платонова, Жеглова, Лесман 2008: 183].

2. Бусы черного глухого стекла с инкрустацией продольными волнистыми полосами белого или желтого цвета, гладкие

Бусы этого типа обнаружены в составе поясных привесок в комплексах двух погребений могильника Кюлялахти: № 54 и 58 (рис. 81—5b; 106—2c).

Новгород. Гладкие бусы этого типа (тип II, по Ю. Л. Щаповой) распределяются в новгородских слоях с 22 по 16 ярус (1076—1197 годы) [Щапова 1956: табл. 16]. Автор при этом отмечает, что в Новгороде бусы этого типа исчезают намного раньше, чем в деревенских курганах [Щапова 1956: 177]. Это на-

блюдение подтверждается исследованиями Ю. М. Лесмана, который расширил период бытования этого типа в погребениях сельских районов запада Новгородской земли до 12 яруса включительно — до 1299 года [Лесман 1984а: 140, табл. 1–105].

3. Бусы шарообразные

Такие бусы входили в состав поясной привески из погребения № 59 (рис. 90–3а, б). Датированы в Новгороде 1096–1369 годами (21–9 ярусы) [Лесман 1984а: 139].

ЗАСТЕЖКИ-«АГРАФЫ»

Оригинальные застежки, скреплявшие ворот верхней одежды, края платка (?) или ленты, были обнаружены в двух погребениях могильника Кюлялахти — № 34 и 67. Типологически сходное, но гораздо проще оформленное изделие входило в состав комплекса погребения Кекомьяки 1:4 [Schwindt 1893: 194; Kivikoski 1973: abb. 1101].

Застежка из погребения № 67 могильника Кюлялахти

В этом погребении в районе грудной клетки была обнаружена серебряная (возможно, с позолотой) застежка с благочестивым изображением. Изделие состоит из двух элементов. Первый элемент — собственно образец круглой формы диаметром около 1 см, на котором имеется прорезное изображение архангела (?). Ушко для крепления сделано не сверху, как у подвесок, а с правого бока. Второй частью был серебряный крючок, украшенный розетковидным элементом с ложной зернью, который продевался в ушко иконки или образка. То есть данный артефакт служил своего рода застежкой, скреплявшей ворот или полы одежды. Несмотря на то что полные аналогии найденной застежки выявить не удалось, появление христианских сюжетов на металлических элементах европейского костюма должно рассматриваться как весьма характерное явление для XIV–XV веков¹.

Центральная Европа. Крайне любопытным является то обстоятельство, что это необычное изделие переделано из серебряной застежки центрально-европейского производства. Почти прямые аналоги второму элементу-крючку известны в кладах, датируемых XIV веком и позже, в Центральной и Северной Европе, в том числе и в кладе из Прицвалька, датированном 1392 годом [Krabath 2001: 199–200, Abb. 37–3, 14; 38–6–8; Krabath, Lambacher 2006: 60–61].

Застежка из погребения № 34 могильника Кюлялахти

Застежка двучастная, серебряная с позолотой, декорированная в технике тиснения. Состоит из функциональных элементов — крючка и петли. На тыльной стороне одной из частей застежки припаян крючок. С тыльной стороны второй части припаяна петля.

---

¹ Автор выражает большую благодарность ведущему научному сотруднику ИИМК РАН д. и. н. А. Е. Мусину за ценные консультации и указания на литературу.

Скандинавия. Схожие изделия известны в кладе из Терэ (Төре) в Швеции, датированном концом XIV века [Krabath, Lambacher 2006: abb. 30].

Центральная Европа. Типологически сходные изделия известны в уже многократно упоминавшемся кладе из Притцвалка и Щецина [Krabath, Lambacher 2006: 38, 60–61, abb. 16, 42–43].

ГРУЗИКИ

В четырех погребениях некрополя (погребения № 13, 33, 54 и 59) были обнаружены дисковидные грузики, сделанные из различных материалов: оловянные (погребения № 13 и 59) (рис. 34–8; 90–6), шиферные (погребение № 33) (рис. 55–3) и сделанные из эпифиза кости (погребение № 54) (рис. 81–5с). Они, видимо, также крепились к поясу посредством отдельной веревки или шнура и свисали вдоль бедра, как и привески. Каково происхождение этой традиции, каковы причины такого не вполне традиционного использования этих изделий — на этот вопрос еще предстоит дать ответ.

Новгород. Дисковидные неорнаментированные свинцовые грузики датированы в Новгороде временем после 1340 года (после 9 яруса) [Лесман 1990б: 84].

НОЖИ

Ножи являются самой массовой категорией находок в комплексах некрополя Кюлялахти. Они встречены как в мужских, так и в женских захоронениях.

Ножи найдены в следующих мужских комплексах: № 7, 31, 44, 46, 49, 53, 57а, 64, 65, 67, 84 и 89 (предположительно мужское) (рис. 23–3; 52–4; 68; 72–2; 75; 80–3; 86–1; 97–5; 99–1; 100–2; 113–1); в женских комплексах: № 3, 8, 13, 30, 33 (возможно, женское), 38, 39, 59, 61, 83 (может быть, не связана с комплексом погребения) и 90 (рис. 19–5; 25–7а–с; 35; 50–3а, b; 55–5; 64–2а; 65–3; 92; 94–7; 119–4). За исключением несколько отличающегося по форме экземпляра в погребении № 67 и уникального экземпляра в погребении № 13, все ножи как в мужских, так и в женских комплексах стандартизированы по форме и технологии производства. Никакого особого разнообразия в этой категории изделий не наблюдается. Все они представляют собой длинные и узкие экземпляры с прямой спинкой, отделенной от черешка двумя достаточно резко выделенными уступами, расположенными симметрично друг к другу. Черешок клиновидной формы, четырехугольный в сечении. Его ось совпадает с осью лезвия. Отличаются ножи размерами в силу, во-первых, сохранности, во-вторых, степени использования к моменту погребения. В некоторых погребениях, например № 49, покойному был положен совершенно источенный нож длиной всего 9,3 см, являющийся к тому же единственным артефактом, найденным при данном захоронении. Наиболее хорошо сохранившиеся экземпляры, очевидно, были новы-

ми или почти новыми на момент совершения того или иного захоронения. Стандартные размеры изделий: общая длина — 15–16 см при длине лезвия 9–10 см, максимальной его ширине около 2 см и толщине спинки около 0,5 см.

Рукояти. Все сохранившиеся рукояти ножей в комплексах некрополя Кюлялахти были деревянными, цилиндрической формы, диаметром чуть менее 2 см, длиной порядка 10 см. Они насаживались на черешок через продольный канал.

В погребении № 59 был найден нож с литой орнаментированной бронзовой рукоятью (рис. 92).

Бронзовые литые орнаментированные рукояти ножей являются типичной находкой в карельских грунтовых могильниках более раннего периода, известных преимущественно по раскопкам Т. Швиндта в 1880-е годы: Кекомьяки 1:3, Кекомьяки 3:2, Леппясмяки 4, Патья 1/1917, Паямяки №21 [КМ 2489: 169, 294; 2494: 11; 7291: 27а; 10817: 9а; Schwindt 1893: kuv. 2, 12, 4; Kivikoski 1942: kuv. 6]. Как правило, они встречены вместе с орнаментированными бронзовыми оковками ножен, но в Кюлялахти такие комплексы уже отсутствуют. Ножи с орнаментированным плетеным узором бронзовыми рукоятями известны на Карельском перешейке, в Приладожье и Саво в количестве 26 экземпляров (с Кюлялахти — 28 экземпляров, так как есть еще одна случайная находка с поля примерно в 100 м от могильника).

Восточная Европа. Помимо Карелии они известны на Ижорском плато, в Кореле, Тиверском городке, Орешке, Копорье, в Новгороде, вплоть до Костромского Поволжья [Кирпичников 1979: 69–70, Кирпичников, Овсянников 1979: рис. 2:12; Варенов 1997: 94–103; Рябинин 1989: 31–32, рис. 3]. В Кореле, Тиверске, Орешке и Копорье эти находки датированы XIV веком.

Новгород. Известны находки таких рукоятей в Новгороде, наиболее ранние встречены в слоях 13 и 12 ярусов (1268–1299 годы), но они немногочисленны и серии не составляют. Тем не менее эти изделия сочетают ряд хронологически значимых типов декора: орнамент из одной простой ломаной линии, идущей по краю изделия или занимающей все орнаментальное поле (грань), — дата после 1161 года (18 ярус и выше); плетенка, плавно изогнутая, широкая (не менее 1,5 мм), продольно рифленая или гладкая — дата: 1177–1369 годы, возможно, и позже (17–9 ярусы, возможно, и выше); вьющаяся ветвь или ее элементы в процветших крестах, S-видных завитках и других мотивах стилизованная — дата: 1161–1369 годы (18–9 ярусы); растительный декор (ветвь, крин, дерево) геометризованный — дата: 1177–1382 годы (17–8 ярусы) [Лесман 1989а: 83–84; Лесман рукопись, в печати].

Обоймы рукоятей ножей явились выразительной чертой этой категории изделий в Кюлялахти. Они использовались для фиксации деревянной рукояти на черешке ножа. Верхняя делалась следующим образом: достаточно толстая железная пластинка (шириной 1,5–1,8 см, толщиной до 0,4 см) сгибалась по окружности рукояти, два края соединялись спайкой. Сверху напайвалась еще одна пластина. Таким образом, получалось полое изделие цилиндрической формы, которое надевалось на верхнюю торцевую часть

деревянной рукояти и крепилось в ней посредством маленьких заклепок с двух противоположных сторон. Нижняя обойма делалась немного иначе: также сгибалась пластина вокруг рукояти, но с нижнего торца, со стороны лезвия, припаивалась третья, имевшая сквозной канал для прохода черешка. По двум сторонам канала делались два отгиба, которые припаивались к лезвию. Тем самым нижняя обойма крепилась к самому лезвию и укрепляла, таким образом, рукоять.

Уникальный нож из погребения № 13 (рис. 35)

Общая длина изделия после проведения реставрации составляет 19,5 см. Рукоять ножа длиной 10 см была сделана из куска корня дерева или из цельного тонкого ствола или ветки. Сохранился фрагмент поверхности рукояти, благодаря которому реконструируется общая длина ножа. Лезвие узкое, тонкое, с прямой спинкой. Исключительность изделию придают две серебряные обоймы рукояти — торцевая и нижняя, при переходе к лезвию. Торцевая в поле была расчищена в трех фрагментах: две половинки собственно обоймы рукояти и третий фрагмент монетовидного предмета, который являлся торцевым украшением и был припаян сверху к оковке. В реконструируемом виде это изделие имело цилиндрическую форму и надевалось на торцевую часть рукояти ножа. После проведения реставрации на торцевой части изделия отчетливо было различимо изображение короны с зубцами и двух готических букв “D” и “L”. На самой обойме также присутствуют прорезные готические буквы, три раза повторяющие сочетание “DEO LAUS” (лат. «СЛАВА ГОСПОДУ»). Нижний край всего изделия украшает прорезной ряд из восьми (три не сохранились) трехзубчатых корон, обращенных зубцами вниз, к лезвию ножа. Этот декоративный элемент напоминает готический крестоцвет или *флерон*. Ближайшая аналогия такому украшению на территории Руси — серебряная оковка ножен меча князя Довмонта [Артемьев 1992: 66–74].

На нижней обойме, опоясывающей часть рукояти, примыкающей к лезвию, после проведения реставрации был выявлен гравированный орнамент в виде вьющейся ветви и S-видных завитков, датируемый в Новгороде временем после 1116 года [Лесман 1989а: 84].

Фенноскандия. Стилистически почти полной аналогией рассматриваемому изделию является нож, найденный при раскопках места средневекового торгового пункта в Хегхолмен, в приходе Кемиосаари, в Западной Финляндии, проводившихся П. Хейсниemi [KM 76090:59, 63; Immonen 2009, vol. 2: 102]. Близкая аналогия верхней обоймы рукояти рассматриваемого изделия входит в состав готландского клада Амюнде 1361 года [Krabath, Lambacher 2006: 31, abb. 12].

Ножи с рукоятями, украшенными орнаментированными серебряными обоймами, известны в ряде комплексов карельских грунтовых погребений, датирующихся, правда, приблизительно на 100 лет ранее погребения № 13 в Кюлялахти. Например, на ноже из женского погребения 1:2 в могильнике Кекомьяки присутствуют две серебряные обоймы — верхняя и нижняя, укра-

шенные растительным орнаментом [Schwindt 1893: kuv. 10]. На ноже из погребения № 1 в Суотниэми сохранилась нижняя серебряная обойма с растительным орнаментом, напоминающая орнамент на ноже из погребения № 13 в Кюлялахти [Schwindt 1893: kuv. 15].

НОЖНЫ

Железные оковки ножен. Видимо, в большинстве случаев (если не во всех) ножи были помещены в ножны. Но далеко не все из них имели металлические оковки (бронзовые были найдены только в одном случае — в погребении № 30 (рис. 50–4а, б)), окислы которых консервируют органические материалы. Хорошо сохранившиеся железные оковки ножен были найдены в погребениях № 38 и 90 (рис. 64–2б; 119–5). Реставрационно-консервационные работы, проведенные с фрагментами ножен из этих погребений, предоставили дополнительные возможности для реконструкции формы ножен, в целом типичных для всех погребений могильника, где такие изделия были зафиксированы. Ножны были кожаными, сшитыми из одного куска. Крепились они с помощью железной оковки (за исключением ножен в погребении № 30), сделанной из двух пластин U-образной формы с шириной краев 0,5–0,8 см. Нижняя пластина имела расширение в нижней части. Она сгибалась так, чтобы два края примыкали с противоположных сторон к линии шва ножен вдоль лезвийной части. Таким образом, внизу образовывался наконечник ножен. В свою очередь один из краев верхней пластины загибался так, чтобы также сформировалось U-образное завершение. Здесь делалось отверстие, куда входило звено железной цепочки, посредством которой ножны крепились к поясу. Приблизительно на середине длины шва ножен обе пластины примыкали торцевыми краями друг к другу. Такие особенности технологического решения были прослежены на оковках ножен из погребения № 59, но, очевидно, это была стандартная технология.

Бронзовые оковки ножен. Единственным экземпляром ножен с орнаментированными бронзовыми оковками является изделие из погребения № 30 (рис. 50–4а, б). Благодаря им сохранились и сами ножны, и деревянная рукоять ножа. Бронзовые оковки данных ножен хотя и продолжают линию таких изделий, но значительно менее богато и качественно украшены. В данном случае бронзовый наконечник ножен охватывает всю их нижнюю половину, от него же вдоль двух продольных сторон отходят две параллельные друг другу узкие бронзовые пластины, крепящие шов ножен посредством заклепок. Такой способ крепления использован и в других сохранившихся ножнах в погребениях некрополя Кюлялахти, но там они были сделаны из железа (погребения № 38 и 90, рассмотренные выше). Посредством заклепок они скреплялись с основной пластиной оковки ножен. В верхней части каждой узкой пластины есть большое сквозное отверстие, куда продевалось кольцо железной цепочки, которая также частично сохранилась. С ее помощью ножны крепились к поясу. Бронзовые пластины проходили поверх двух кольцевых оковок, крепивших верхнюю часть ножен.

Таким образом, рассматриваемые оковки ножен могут быть отнесены к варианту типа III таких изделий, по типологии А. И. Сакса [Сакса 2010: 124]. Четыре известных ранее экземпляра (Суотниэми, погребение № 3 [КМ 2487: 53], Кекомьяки, погребение № 1 [КМ 2489: 169, 170], Ивасканмяки (разрушенное погребение [КМ 1922: 423, 424]) и Тууккала, погребение № 9 [КМ 2481: 167]) идентичны друг другу и вариантов в орнаментации не имеют. Оковки ножен перечисленных изделий были богато украшены прорезным и гравированным орнаментом в виде сплетенных лент с завитками на концах, поперечные оковки в верхней части украшены выпуклым «жемчужным» орнаментом, их края оформлены рядом треугольных вырезов [Schwindt 1893: kuv. 2]. Экземпляр из погребения № 30 в Кюлялахти оформлен значительно скромнее, поэтому и выделен в отдельный вариант данного типа. Вся нижняя часть этих ножен покрыта бронзовой оковкой, сделанной из единого листа, согнутого и склепанного по краям через шов кожаной основы ножен. С обеих сторон оковки имеются по два отверстия полукруглой формы, обращенные прямыми сторонами друг к другу. Ближе к нижнему краю ножен, также с двух сторон, расположено более вытянутое отверстие подтреугольной формы. В верхней части оковка украшена орнаментом в виде параллельных друг другу ломаных линий, а также рядом равнобедренных треугольников, обращенных углами друг к другу. Также ряды ломаных линий есть между отверстиями на оковке. Орнамент нанесен зубчатым штампом.

ПОЯСНЫЕ ПРИВЕСКИ

В этой категории рассмотрены разнообразные изделия, которые объединяет характер использования в структуре костюма: они привешивались к поясу, формируя своеобразный сложносоставный комплекс украшений. Поясные привески как особая категория украшений являются наиболее выразительным и специфичным элементом погребального костюма населения, оставившего некрополь Кюлялахти. Именно в них в наиболее полной форме отразились трансформации характерного костюма средневековой *корелы*, произошедшие на протяжении XIV–XV веков.

Привески в мужских погребениях

1. В комплексе погребения № 12, в районе дистального конца левой бедренной кости и колена, были обнаружены две бронзовые так называемые «колоколовидные» подвески (рис. 31–1, 2). Внутри одной из них сохранились остатки плетеного шнура. Их нахождение в комплексах могильника представляется несколько загадочным, поскольку это изделия чрезвычайно архаичного облика. Среди материалов карельских грунтовых могильников такие вещи не были известны. Так как невозможно предполагать, что данное погребение относится к этому времени, приходится констатировать, что мы имеем дело с некоторой археологической загадкой. Однако поскольку это достаточно простые изделия, сохранение их формы в культуре местного

населения вполне возможно на протяжении нескольких столетий. Другим вариантом объяснения может быть их импорт в Карелию из региона, где они в силу случайных обстоятельств продолжали бытовать.

2. В погребении № 53 (погребение подростка) был обнаружен футляр для кисти длиной 7,2 см (рис. 80–2а). Аналогичное изделие было найдено при раскопках на могильнике Куркийоки Кууппала в 1987 году в погребении № 6, которое, по мнению А. И. Сакса, являлось необычной бронзовой рукоятью ножа [Сакса 2010: рис. 89: 4]. Многочисленные аналогии им известны во Пскове, где в городских слоях было найдено множество таких изделий, в одном из которых практически полностью сохранилась тканая кисть¹. Это были своеобразные футляры, сквозь которые продевалась веревка и на другом ее конце делалась кисть. Чтобы она не потеряла форму, был необходим футляр. Носился такой предмет на поясе и служил своеобразным украшением, видимо, данью общегородской моде XIV века. В последнее время ввиду множества находок подобных изделий стало очевидным, что такая мода существовала и в Карелии.

Привески в женских погребениях

Поясные привески были обнаружены в комплексах погребений № 13, 30, 33, 54, 58, 59, 63. Все изделия сходны по месту в структуре костюма. Тем не менее каждое обладает существенными особенностями, поэтому рассмотрим отдельно место этих изделий в каждом конкретном погребении.

1. В погребении № 13, в районе таза и проксимального конца правой бедренной кости, были расчищены два расположенных параллельно друг другу тонких кожаных шнура толщиной около 2 мм² (рис. 34–6). Каждый из них был перевит тонкой бронзовой проволокой. Эти шнуры были пропущены одновременно через каналы бусин различных типов и, таким образом, визуально разделялись на отдельные отрезки. Начинаясь этот комплекс наиболее близко расположенной к предполагаемому поясу гладкой бусиной из красного непрозрачного стекла с «глазками» голубоватого цвета. Повидимому, эти два шнура были пропущены сквозь канал бусины и скреплялись каким-то образом с поясом. Но сам пояс не сохранился, отсутствует также металлический поясной разделитель, характерный для других комплексов могильника. Далее, через отрезок длиной около 2 см, шнуры были опять пропущены сквозь канал следующей бусины из стекла крайне низкого качества, сохранившейся только в виде рыхлой порошкообразной массы. Всего на шнуры было напущено четыре бусины такого типа. Отрезки между ними приблизительно одинаковой длины. На последнем отрезке шнуры пропущены сквозь канал бронзовой бочонкообразной бусины, орнаментированной двумя рядами напаянных колечек. В завершении шнуры были

¹ Устное сообщение с.н.с. Псковского археологического центра С. А. Салмина, которому автор выражает большую благодарность.

² Реставрацию рассматриваемого комплекса, а также комплекса погребений № 30 и 59 проводила реставратор высшей категории С. Г. Буршнева, за что автор выражает ей особую благодарность.

каким-то образом соединены с железным трапециевидным предметом (игольником?). Характер соединения остался неясен. Таким образом, рассмотренное изделие представляло собой скрепленный с поясом посредством двух кожаных шнуров, пропущенных сквозь каналы минимум шести бусин, железный предмет (игольник), свисавший, возможно, вдоль внутренней стороны бедра. Рядом с этим железным предметом был расчищен дисковидный свинцовый или оловянный грузик. Соотношение его с рассмотренным выше комплексом не совсем ясно, видимо, этот предмет был закреплен на поясе отдельно.

2. В погребении № 30 был изучен структурно схожий, но лучше сохранившийся комплекс (рис. 50–2).

У проксимального конца левой бедренной кости было расчищено бронзовое поясное кольцо диаметром 4 см, округлое в сечении, гладкое, без орнамента. К нему были прикреплены следующие изделия:

1) сложносоставная поясная привеска, с помощью которой к поясу крепилась кожаная сумочка (рис. 50–6; 48–5, 6);

2) железная копоушка, крепившаяся к кольцу с помощью железной цепочки (рис. 50–5);

3) нож в кожаных ножнах, украшенных бронзовыми оковками, также прикрепленный к поясному кольцу посредством железной цепочки (рис. 50–3а, б, 4а, б).

Уникальность рассматриваемого комплекса, кроме прочего, состоит в том, что здесь были прослежены способы крепления поясных украшений.

Сложносоставная поясная привеска, состоящая, как и в рассмотренном выше случае, из двух кожаных шнуров, перевитых бронзовой проволокой и пропущенных сквозь бронзовые бусины и Ф-образную пронизку, была привязана (узел сохранился хорошо) посредством кожаного ремешка, пропущенного сквозь две бронзовые бусы. Далее два кожаных шнура, перевитых бронзовой проволокой, продолжались на отрезок длиной около 2 см до разделительной спирали большего диаметра и были пропущены сквозь нее. Далее через отрезок сходной длины они же были пропущены сквозь еще одну разделительную спираль. Затем через отрезок длиной также около 2 см ремешки были пропущены сквозь Ф-образную бронзовую пронизку. Затем от противоположного края Ф-образной пронизки шнуры продолжались на отрезок длиной около 2 см и проходили сквозь канал двухчастной бронзовой бусины, далее они продолжались на такой же отрезок и заканчивались бронзовой бусиной округлой формы. Дальше комплекс сохранился фрагментарно. Эта часть представлена двумя участками перевитых бронзовой проволокой кожаных шнуров длиной 1,5–2 см, пропущенных через спираль из более толстой проволоки и большего диаметра. Заканчивался этот комплекс железным артефактом трапециевидной формы длиной около 13 см, на котором сохранились отпечатки ткани. Таким образом, перевитые бронзовой проволокой кожаные шнуры, пропущенные сквозь бронзовые бусины, спирали и Ф-образную пронизку, использовались для прикрепления к поясу кожаной сумочки. Сумочка была сшита из двух кусков (или одного боль-

шого сложенного) кожи. Вдоль края присутствуют два ряда сквозных мелких отверстий, видимо, от прошитого соединения. После проведения реставрации выяснилось, что на обратной стороне кожаного предмета под ножнами находятся остатки ниток от вышивки. Также на обратной стороне предмета и под ним — остатки серого порошка. Найденный при расчистке кожаного изделия фрагмент позволил предположить, что он был вышит бисером, или стеклярусом, или плетеным шнуром, хотя последнее менее вероятно. По его нижнему краю было расчищено украшение в виде двойного нашитого нитяного шнура. Из-под шнура был замечен край ткани саржевого плетения.

В процессе реставрации после раскрытия кожаного изделия — своеобразного чехла — обнаружено, что внутри него находится мешочек из ткани саржевого плетения, повторяющий его форму. Мешочек был сшит нитью петельчатым швом через край по бокам и снизу и с кожаным чехлом не сшивался.

3. В погребении № 33 была найдена поясная привеска более простого типа (рис. 55—2, 4а, б). У фрагментов правой бедренной кости был обнаружен крупный бронзовый (возможно, с позолотой) орнаментированный ремешок разделитель круглой формы диаметром 5 см. На одной из частей данного артефакта (северной по положению в погребении) сохранился фрагмент кожаного изделия, вероятно пояса, шириной 0,8 см. Рядом с ним найдена Ф-образная бронзовая пронизка с двумя парами ушек (рис. 55—4а). К ней при помощи тонкой веревки (сохранившейся внутри бронзовой трубки, что выяснилось при реставрации) был прикреплен железный артефакт (игольник?) трапециевидной формы (6,2 2,5 см), схожий по форме с изделием, найденным в погребении № 13 (рис. 55—4б). Вероятно, эти изделия крепились к поясному разделителю посредством фрагментарно сохранившейся внутри Ф-образной пронизки тонкой веревки. Весьма вероятно, что на ней также присутствовали бусы, поскольку рядом с железным артефактом было расчищено пятно беловатого порошковидного вещества диаметром около 1 см, вероятно, остатки оловянной бусины. Кроме того, в этом же погребении было найдено отдельно лежащее пряслице или грузик из розоватого шифера, что также напоминает комплекс погребения № 13, куда входит крупный свинцовый грузик, обнаруженный возле железного игольника.

4. Своеобразный комплекс был также изучен в погребении № 54 (рис. 81—5а—е). В центральной части могильной ямы был расчищен разделитель ремня, разделенный внутри перемышками на три сектора, на котором сохранились фрагмент кожаного ремешка (шириной около 1 см), завязанного в узел, и две нити красного цвета (рис. 81—5а). Эти фрагменты были относительно коротки — не более 1,5 см. Очевидно, они изначально продолжались от данного разделителя под правой рукой погребенной, а на них крепился комплекс украшений, расчищенный далее. В него входили два кожаных шнура, перевитые бронзовыми спиралями, проходящими через сквозной канал стеклянной бусины из черного непрозрачного стекла с тремя волнистыми белыми линиями. Затем они были привязаны к литому бронзовому цепе-

держателю (рис. 81–5b). Далее были обнаружены: орнаментированная бронзовая обоймица, бронзовая ременная пряжка, непосредственно под ней — бронзовая полая подвеска-«конек» (рис. 81–5с–е). Не вполне ясно, каково соотношение этих артефактов, особенно ременной пряжки, и комплекса, скрепленного с цепедержателем. Однако следует заметить, что внутри бронзовой орнаментированной обоймицы сохранилась тонкая веревка. Учитывая то, что рядом был изучен комплекс погребения № 59, где были расчищены две параллельные друг другу поясные привески, заканчивающиеся: одна — би-спиральным цепедержателем, а вторая — схожим зооморфным украшением (см. ниже), можно предположить, что и в комплексе погребения № 54 фиксируется сходная ситуация. Таким образом, вполне возможно, что в данном погребении были две поясные привески, свисавшие вдоль правого бедра, крепившиеся к разделителю ремня. Первая сохранилась в виде фрагментов двух кожаных шнуров, оплетенных бронзовой проволокой. Вторая состояла из тонкой веревки, пропущенной через орнаментированную обоймицу и на конце которой было закреплено зооморфное украшение.

Кроме того, сходство данного комплекса с погребениями № 13 и 33 обусловлено наличием сферического пряслица, сделанного из эпифиза кости животного.

5. В нарушенном погребении № 58 также сохранились фрагменты поясной привески, типологически сходной с вышеописанными (рис. 106–1, 2). В данном комплексе, у проксимального конца правой бедренной кости, был расчищен крупный «∞»-образный бронзовый артефакт, являющийся, очевидно, поясным разделителем (рис. 106–1). Непосредственно под ним в пятне органики (следы одежды?) была расчищена Ф-образная бронзовая пронизка, через сквозной канал которой пропущен кожаный шнурок, оплетенный бронзовыми спиралями, сохранившимися с обеих торцевых сторон пронизки. У западного «ушка» пронизки сохранились фрагменты текстиля. Далее была найдена керамическая бусина коричневого цвета. Возле бусины — вторая бронзовая Ф-образная пронизка. С противоположного торцевого края второй пронизки — стеклянная черная бусина с тремя волнистыми белыми линиями, идентичная найденной в погребении № 54 (рис. 106–2а–с).

Очевидно, данные артефакты составляют единый комплекс украшений, когда к разделителю пояса крепился составной комплекс украшений, состоящий из оплетенного тонкой бронзовой проволокой ремешка (ремешков), пропущенного через бронзовые пронизки и бусы, разделенного таким образом на отдельные участки.

6. Наиболее хорошо сохранившейся поясной привеской является изделие в комплексе погребения № 59 (рис. 90–3а, б). В районе таза был обнаружен ременной разделитель кольцевидной формы круглого сечения диаметром 3,8 см (рис. 90–2). На нем крепились и соответственно свисали вдоль правого бедра два параллельных друг другу комплекса артефактов, представлявшие собой двойные кожаные ремешки, которые были оплетены бронзовой проволокой и разделены на участки (каждый длиной около 2 см) стеклянными или металлическими бусами (некоторые из них представлены

в виде порошковидной субстанции белого цвета). На левой, наиболее близко расположенной к правой бедренной кости привеске таких участков насчитывается девять, но часть из них не сохранилась. На параллельной привеске сохранились семь участков. Первая привеска заканчивалась бронзовым литым цепедержателем, стороны которого сформированы не спиральями, а гравированными концентрическими окружностями (тип I:2, по А. И. Сакса), вторая — полый подвеской-коньком.

Кроме того, у проксимального конца правой бедренной кости под левой привеской было обнаружено еще одно бронзовое (поясное?) кольцо диаметром около 2 см, в котором располагался железный трапециевидный игольник (рис. 90—4а, б). Возможно, он крепился за это поясное кольцо. Судя по расположению артефактов относительно костей, рассматриваемый комплекс был укреплен с противоположной (со стороны спины?) стороны от поясных привесок.

По своему составу комплекс поясных привесок рассматриваемого погребения схож с составом погребения № 54. Здесь также присутствуют ременные привески, заканчивающиеся литым цепедержателем и полым коньком-подвеской. При этом такой набор артефактов дополнен типичным для карельских могильников ножом с бронзовой орнаментированной рукоятью, единственным такого рода экземпляром в могильнике Кюлялахти. Однако характерные для предшествующего периода орнаментированные ножны отсутствуют.

ПОЯСНЫЕ СУМКИ

В двух погребениях— № 46 и 65 — были выявлены крепившиеся к поясу небольшие сумки или кошельки, в которых находились артефакты.

В погребении № 46, под тазовыми костями, была расчищена кожаная сумочка с тисненым орнаментом, в которой находился крупный кремневый отщеп, видимо огниво. Сумочка крепилась к поясу посредством льняного шнура, фрагменты которого также были расчищены возле нее.

В погребении № 65, у левой бедренной кости, находилась кожаная сумочка размерами 6×5 см, которая оказалась раскрытой, поэтому была возможность уже в поле расчистить находящийся в ней отдельный зуб, принадлежащий взрослому человеку. На нем отчетливо видны зеленоватые окислы от другого предмета — маленького бронзового сосуда, в котором предположительно содержалась сера. Она сохранилась в виде порошковидного вещества желтого цвета. Подобного рода находки всегда крайне интересны, поскольку указывают не только на особенности ритуала, но и на индивидуальные черты личности погребенного. Надо полагать, что этот предмет — зуб — имел для него особое значение.

Находки кожаных сумочек при мужских захоронениях, содержавших огниво, кресало и кусочки серы, известны и в более ранних грунтовых погребениях корелы, например в мужском погребении в могиле № 3 могильника Кекомьяки [Schwindt 1893: 39].

Поясные сумки найдены также и в женских захоронениях.

В погребении № 63, у костей правого предплечья, была расчищена длинная (5,5 см) орнаментированная бронзовая Ф-образная пронизка диаметром около 1 см (рис. 96–1). К каждому из «ушек» пронизки за кольцевидные окончания крепились короткие бронзовые подвески: с правой стороны — подвеска «∞», каждое из колец которой развернуто перпендикулярно друг другу, с левой — аналогичная подвеска, только завершающаяся клешневидным окончанием. В процессе реставрации было выяснено, что большая Ф-образная пронизка помещалась в тканевый мешочек или чехол. При этом через ее сквозное отверстие был пропущен кожаный шнур, видимо, посредством которого она крепилась к поясу, или (что менее вероятно) к несохранившемуся элементу верхней одежды, за другой конец которого был привязан хорошо заметным узлом пластинчатый бронзовый перстень. Весь этот комплекс полностью или частично был помещен в тканевую сумочку, особенно хорошо сохранившуюся под бронзовой пронизкой.

Изделие такого типа было впервые встречено в карельских грунтовых могильниках. Возможно, оно относится к новому типу (тип III, развивая типологию А. И. Сакса), если еще будут найдены подобные экземпляры. В целом, такой необычный комплекс имеет отношение к своеобразной категории сопроводительного инвентаря, который указывает, если можно так выразиться, на индивидуальные черты личности погребенной.

В погребении № 30 обнаружен орнаментированный кожаный чехол, также висевший на поясе, внутри которого — тканевый мешочек, в котором зашит четырехугольный предмет (рис. 48–5, 6). В женских погребениях № 39 и 61 можно лишь предполагать наличие поясных сумочек, поскольку в районе пояса были найдены компактные скопления мелких предметов, которые, вероятнее всего, могли находиться именно в небольшой сумочке (рис. 65–5, 6; 94–2, 3, 6).

В погребении № 39 под костями таза были обнаружены две железные иглы, возможно, они находились в чехле или сумочке на поясе, которая не сохранилась. Две бронзовые иглы, а также железное кресало и сердцевидная бронзовая подвеска были расчищены в центральной части погребения № 61. Возможно, эти предметы также были помещены в аналогичную поясную сумочку. На то, что в двух последних случаях пояс присутствовал, указывают находки поясных разделительных колец и пряжки (в погребении № 39). Особенно любопытной представляется находка сердцевидной подвески в погребении № 61. Обычно такого рода изделия привешивались к ушкам Ф-образных бронзовых пронизок и были частями многокомпонентных женских украшений.

КРЕСАЛА

Кресала являются распространенной категорией находок как в могильниках, так и в слоях поселений. На новгородских материалах Б. А. Колчин выделил пять хронологически значимых групп кресал [Колчин 1982: 161,

163, рис. 4]. В могильнике Кюлялахти встречены только овальные кресала (с прямыми торцевыми краями), за исключением изделия из погребения № 23

Кресала такого типа входили в состав комплексов погребений № 57а, 61, 65.

Финляндия. В Финляндии железные овальные кресала традиционно датированы эпохой викингов — Крестовых походов [Kivikoski 1973: 88, 148, abb.642, 1247].

Новгород. Б. А. Колчин датировал этот тип кресал началом XIII — серединой XV века [Колчин 1982: 161, 163, рис. 4]. Ю. М. Лесман уточнил время появления таких изделий в слоях Новгорода — с 21 яруса (после 1116 года) [Лесман 1984а: 138, табл. 1].

Кресало «индивидуальной» формы

В комплексе погребения № 23 было обнаружено кресало, имеющее аналогии в Новгороде среди изделий, которые Б. А. Колчин определил как «кресала индивидуальных форм». В Новгороде такое изделие было найдено в слоях XV века [Колчин 1959: 102–103, рис. 87]. Похожее кресало также было найдено при раскопках Тиверска [Кочкуркина 2010: 182, табл. 7–1]. Изделие не относится к серийным, поэтому не может служить веским основанием для датировки. Тем не менее факт его наличия демонстрирует определенную тенденцию, поэтому игнорировать его не следует.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИГОЛЬНИКИ (?)

Как элемент поясных привесок использовались также игольники (?), представлявшие собой стандартные, спаянные из железных пластин изделия длиной около 7 см. Длина верхней грани 1,5–1,7 см, нижней — около 3,5 см, толщина — около 1,5 см. Такую форму можно было бы назвать трапециевидной, но длинные стороны слегка вогнуты внутрь, особенно ближе к нижней части, что придает изделиям несколько «топоровидную» в плане форму. Крепились они к поясу, видимо, посредством тонкой веревки, пропускавшейся через сквозное отверстие в верхней, менее широкой грани. Об этом можно судить вполне определенно, поскольку такая веревка сохранилась внутри «игольника» и бронзовой пронизки в комплексе погребения № 33 (рис. 55–4б). Внутри такие железные изделия были полыми. Для чего они были предназначены — не совсем понятно, но при расчистке такого изделия из погребения № 59 выяснилось, что внутри была ткань и, возможно, фрагменты тонких железных изделий (иголок?) (рис. 90–4б). Изделие из этого же погребения имеет дополнительные особенности: на нем с двух сторон по краям нижней грани через сквозные отверстия были закреплены два железных колечка.

Таким образом, рассмотренные в главе IV типы изделий, входящие в состав комплексов погребений могильника Кюлялахти Калмистомяки, в подавляющем большинстве случаев могут быть надежно атрибутированы

в хронологических системах эпохи Средневековья, разработанных в той или иной степени для разных регионов Европы — Северной, Центральной и Восточной, а также особо для Новгорода. Проведенная атрибуция и выделение хронологически значимых типов позволяют обратиться к построению хронологии изучаемого памятника.